

О дуэли не проронили ни слова.

Ни «Терем, подпирающий небеса», ни Хуа Маньлоу, ни Лу Сяофэн — никто не подавал виду. Казалось, об этом деле либо вовсе не знают, либо оно не стоит и выеденного яйца.

Шэнь Бумянь помалкивала. Она следовала за Лу и Хуа вместе с Сюй Буэ и остальными, ступая мягко и мирно. Глядя на нее, трудно было вообразить, что эта цветущая красавица — слепа. Еще труднее было поверить, что это нежное, хрупкое создание жаждет скрестить мечи с Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн не просто не мог этого представить — он вовсе не желал, чтобы до этого дошло.

Процессия вошла в главный зал. Человек в одеянии стража подбежал к Сюй Бусю и что-то зашептал ему на ухо. Голос был едва слышным, но его уловили все. Для людей такого уровня мастерства достаточно лишь на миг сосредоточиться, чтобы расслышать любой шепот. Однако весть оказалась не из простых.

— Главы нет в Тереме, он отбыл по срочному делу.

Сюй Бусю неувовимо изменился в лице. Тень беспокойства промелькнула в облике Сюй Буэ, Е Букэ и Шэнь Бумянь. Это не была бледность страха; скорее на их плечи внезапно легла невидимая, тяжкая ноша.

Лу Сяофэн, разумеется, не мог этого не заметить. Хуа Маньлоу редко выставлял чувства напоказ, но он читал его душу как открытую книгу. Бросив взгляд на друга, он и в его чертах уловил след легкого недоумения.

Гости прибыли по приглашению, а хозяин исчез — прием, мягко говоря, не самый учтивый. Но пришедшие не были ни невоспитанными, ни вспыльчивыми. Хуа Маньлоу не нахмурился; он ко всякому человеку относился с безграничным терпением и пониманием. Он по-прежнему безмятежно улыбался. Слыша слова стража, он лишь хотел избавить Сюй Буэ и прочих от неловкости.

Лу Сяофэн, однако, не отличался подобным благодушием. Состроив самое искреннее выражение лица, он осведомился:

— И куда же направился глава? Я столько слышал о его доблестях, что от одной мысли о сегодняшней встрече был на седьмом небе от счастья.

Разумеется, никаким счастьем тут и не пахло. Если бы встреча состоялась, Лу, скорее всего, счел бы ее затянувшимся кошмаром. Но сейчас ситуация изменилась, и происходящее начало казаться ему забавным.

Сюй Бусю заметно побледнел, и его старое лицо словно еще больше избороздили морщины.

— Господин Хуа, великий герой Лу, — начал он, — главе следовало встретить вас лично, но внезапные дела заставили его покинуть Терем. Он просил меня передать глубочайшие извинения за свою вынужденную отлучку.

Лу Сяофэн изобразил на лице крайнее удивление, которое тут же сменилось скорбью. Будь на месте «столпов» кто-то другой, его наверняка тронула бы эта напускная печаль, заставив устыдиться еще сильнее. Но не успел Лу вставить и слова, как Хуа Маньлоу ответил:

— Пустое. Нам и так выпала редкая удача посетить Терем, подпирающий небеса, и познакомиться с такими выдающимися мастерами. Прошу вас, почтенный, передайте главе: для нас с братом Лу это приглашение — большая честь. Будем надеяться на встречу в другой раз.

В его голосе не было и тени недовольства. Спокойный тон Хуа Маньлоу постепенно унимал тревогу в сердцах хозяев. Сюй Бусю вздохнул:

— Господин Хуа, умоляю, не держите зла.

Хуа Маньлоу лишь слегка качнул головой:

— Не берите в голову, почтенный. Раз главы нет, значит, возникли трудности, требующие вашего участия. Мы не смеем злоупотреблять вашим временем. Позвольте откланяться.

— Да, — подхватил стоявший рядом Лу Сяофэн, — какая невыразимая жаль.

Слова были полны сожаления, но даже слепая Шэнь Бумянь уловила в его интонациях скрытое веселье.

Сюй Бусю не успел ответить — Шэнь Бумянь сделала шаг вперед.

— Господин Хуа, не спешите, — негромко произнесла она. Голос ее был под стать облику: чистый, тонкий, лишенный всякой резкости. — Не забудьте, у нас осталось еще одно важное дело.

Хуа Маньлоу, конечно, не забыл. Он просто не хотел. Ни один мужчина в здравом уме не станет биться с незрячей, хрупкой женщиной. Лу Сяофэн бы не стал. Хуа Маньлоу — тем более.

— Полагаю, — улыбнулся Хуа Маньлоу, — это дело может и подождать. Оно не так уж важно.

Шэнь Бумянь была в фиолетовых одеждах и сама походила на прекрасную фиалку в самом цвету. Хуа Маньлоу не видел ее, но знал: перед ним женщина красоты редкой, чья весна еще в самом разгаре.

— Для меня это важно, — отозвалась она.

В ту же секунду из ее широких рукавов скользнули парные мечи. Легким взмахом она перехватила клинки, замерев подобно бабочке, расправившей крылья над цветком. Казалось, она вот-вот начнет изысканный, страстный танец.

— Почему? — внезапно спросил Лу Сяофэн. Он спрашивал и за себя, и за друга.

Шэнь Бумянь смотрела туманным и бесцельным взором.

— В этом мире есть места, — прошептала она, — где свету никогда не суждено пробиться.

Блеснула сталь клинка.

— И есть люди, чьим уделом навеки стала тьма.

Она говорила тихо, но каждого в зале обдало холодом глубокой, костной печали. Лу Сяофэн подумал, что за этой грустью наверняка кроется надломленное сердце и горькое прошлое. В нем шевельнулась жалость. Редкий мужчина останется безучастным к печали красавицы. По крайней мере, Лу Сяофэн к таким точно не относился.

Грусть еще не рассеялась, а мечи уже пришли в движение. Парные клинки Шэнь Бумянь не знали ни чувств, ни пощады. Стоило им коснуться Хуа Маньлоу, и его белоснежные одежды окрасились бы алым. Мечи летели стремительно и плотно. Казалось, это не пара клинков, а целый десяток, обрушившийся на противника бесконечным стальным дождем. Мастерством Шэнь Бумянь не уступала ни одному мужу Поднебесной.

Хуа Маньлоу не шелохнулся. Он спокойно внимал ее словам, и так же спокойно ждал удара. И она ударила. Ударила, зная, что он не уклонится и не нанесет ответного выпада.

Раздался треск раздираемой ткани. Для обычного слуха этот звук был едва слышим. Но для того, кто лишен зрения, время в такие моменты растягивается, превращаясь в мучительную череду отчетливых мгновений.

Все кончилось в один миг. Быстрее, чем человек успеваешь зевнуть.

Меч Шэнь Бумянь разлетелся на три части!

Обломки со звоном посыпались на пол. Указующий перст Линси. Во всем мире вряд ли нашлось бы иное искусство, способное в мгновение ока остановить летящую сталь и раздробить ее двумя пальцами.

На одежде Хуа Маньлоу медленно расплывалось пятно, похожее на внезапно распустившийся красный цветок. Шэнь Бумянь застыла перед ним; второй ее меч, целый и невредимый, выпал из ослабевших пальцев. У нее просто не осталось сил его держать.

— Брат Лу, — мягко проговорил Хуа Маньлоу, — зачем же было вмешиваться?

В душе Лу Сяофэна вспыхнуло глухое раздражение. Тревога за друга мгновенно переросла в ярость, которую он, впрочем, скрыл за усмешкой.

— Все твердят, что я, Лу Сяофэн, без памяти влюбчив, — бросил он, — но ты, брат Хуа, бережешь хрупкую красоту куда ревностнее. Ты готов подставить грудь под клинок, лишь бы не ранить чувства прекрасной девы.

От недавней жалости к Шэнь Бумянь не осталось и следа. Сейчас он злился только на Хуа Маньлоу.

Сюй Буэ и остальные «столпы» побледнели. Никто не ожидал, что Хуа Маньлоу позволит себя ранить. Это казалось невыносимым, однако произошло на глазах у всех.

— Брат Лу, — вздохнул Хуа Маньлоу, — ты ведь прекрасно видел: она вовсе не собиралась меня убивать.

— И потому на тебе расцвел этот мак? — съязвил Лу.

— Когда острое коснулось ткани, я почувствовал, что она сдерживает удар. С твоим-то зрением ты не мог этого не заметить.

Хуа Маньлоу говорил ровно, будто рана была не на его теле. Для него дуэль закончилась еще до того, как Лу Сяофэн нанес свой удар.

— И что же, мне нужно было стоять и смотреть, как тебя режут? — голос Лу Сяофэна звучал отнюдь не дружелюбно.

Мало кто мог представить, что в такой момент эти двое затеют перепалку, совершенно не заботясь о присутствующих. Лу Сяофэн бывал невыносим в своем упрямстве, но Хуа Маньлоу неизменно оставался добрым человеком.

Он наклонился, поднял уцелевший меч Шэнь Бумянь и бережно протянул его хозяйке.

— Дева Шэнь, — спросил он, — что же такое свет?

Если кто и был поражен больше всех, так это сама Шэнь Бумянь. Она стояла как вкопанная, безвольно принимая оружие. Наконец, серьезно обдумав вопрос, она ответила:

— Быть может... это просто тепло.

Она никогда не видела лица Хуа Маньлоу, но знала, что перед ней — благородный муж. Его голос, исполненный покоя, согревал ей сердце.

— Кровь, — произнес Хуа Маньлоу, — тоже теплая.

Его собственная кровь была именно такой. Если кровь Симэнь Чуйсюэ была подобна льду, то у Хуа Маньлоу она грела. Когда теплая кровь покидает тело, человек чувствует это тепло. Свет — это не только слепящий блеск, это прежде всего сострадание, дарующее жизнь.

Шэнь Бумянь не нашла слов. Она продолжала стоять, затерянная в своих мыслях. Лу Сяофэн, стоявший поодаль, вставил:

— Раз уж ты, брат Хуа, так глубоко все постиг, шел бы ты в монахи. Будда ведь тоже был милосерден — то мясо ворону отдаст, то тигрицу собой накормит.

Его гнев еще не догорел до конца. Хуа Маньлоу, зная нрав друга, лишь рассмеялся:

— Если такой, как я, примет постриг, мне-то, может, и будет покой, да вот только кто с тобой вино пить станет?

Верно. Если Хуа Маньлоу уйдет в монастырь, он станет таким праведником, что перецеголяет самого Лаоши Хэшана. Откажется от вина, мяса и мирских утех — и сделает это с тем же тщанием, с каким делает всё остальное. Вообразив это, Лу Сяофэн не выдержал и расхохотался.

Смех окончательно потушил пламя его злости. Он понимал доброту Хуа Маньлоу, но не мог смириться с тем, что эта доброта причиняет другу боль. Разве может быть истинно добрым тот, кто вредит самому себе?

Но Хуа Маньлоу мог.

Лу Сяофэн подошел к Шэнь Бумянь и ободряюще коснулся ее плеча:

— Дева Шэнь, этот мой друг — человек на редкость ленивый. Биться с ним — удовольствие

сомнительное. — Он подмигнул Хуа Маньлоу. — Но вы победили, дева Шэнь.

Хуа Маньлоу не видел его жеста, но по тону друга понял, что тот больше не сердится. Рана была пустяковой, кровь уже перестала течь, и алое пятно на плече действительно казалось лишь изысканным украшением.

Шэнь Бумянь наконец обрела голос.

— Да, — проговорила она, — мне остается лишь принять вашу милость.

И вдруг она спросила:

— А если бы я не сдержала руку? Если бы Лу Сяофэн не перебил мой клинок — ты бы нанес ответный удар?

— Я вовсе не из тех, — ответил Хуа Маньлоу, — кто мечтает расстаться с жизнью.

Шэнь Бумянь улыбнулась, и в ее прекрасных, лишенных зрения глазах на миг словно вспыхнул настоящий свет.

<http://bllate.org/book/17403/1653726>